

2. Конституция РФ. Новосибирск.: Сибирское университетское издательство.2010, 32 с.
3. Фомин О.Н. Местное самоуправление в России: полиархия без демократии.//Вестник Поволжской академии государственной службы.2004.№6. С.4-16.

Асылгужин Р.Р.,
г. Уфа

КОНЦЕПЦИИ “ГОСУДАРСТВО-НАЦИЯ” И ИДЕЯ О САМООПРЕДЕЛЕНИИ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Преобладающие в науке концепции логически предполагают, что основным содержанием национальной идеологии должно быть теоретическое обоснование необходимости создания или сохранения национального государства, а основным содержанием национальной политики должна стать борьба за создание или сохранение национального государства. Эти идеи отстаивал еще Миль, для которого границы “правомочности правительства” должны были обязательно совпадать с границами национальными, а также итальянский политический деятель Мадзини, которому принадлежит знаменитое выражение: “Каждой нации - государство, и только одно государство для целой нации”. В этом же русле, в известной мере, следует и российский исследователь Л.М.Дробижева, по мнению которой: «политические и этнические единицы должны совпадать, культура должна быть обеспечена своей собственной политической крышей» [1].

Стало весьма распространенным представление, что нация развивается лишь в рамках суверенного государства: государственные институты,

объединив различные этнические группы в границах общего государства, формируют из них нацию, понимаемую как согражданство (концепция "государство - нация"). До тех пор, пока этническая группа лишь стремится к созданию государственности, она, по мнению американского социолога К.Дейча, может быть квалифицирована лишь как "народность". Лишь сформировав свое государство, народность превращается в нацию. Отсюда, нация - это народ, обладающий государством [2].

Таким образом, значительная часть этнологов рассматривает этнос, нацию как сообщество людей, организованных вокруг идеи о самоопределении.

К этой концепции были близки взгляды видного русского философа и правоведа, одного из теоретиков "евразийства", Н.Н.Алексеева, утверждавшего: "Мы считаем "народом" или "нацией" не какой-либо случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры [3].

Рассматриваемая концепция "государство-нация" уходит своими корнями, на наш взгляд, в **конструктивистско-инструменталистский подход** к определению и изучению природы этничности, рассматривающей возникновение и существование этнических групп на основе доктрин и представлений "изобретенных" интеллектуальной элитой этноса - писателями, учеными, художниками, политиками и используемый лидерами для "этнической мобилизации" населения. Данная концепция получила широкий отклик в постсоветской этнологии России. "Есть достаточно оснований утверждать, что именно государство, ломая местнические экономические интересы, разрушая внутренние таможенные барьеры, объединяя различные регионы, преодолевая сепаратизм, партикуляризм, борясь с квазигосударственными структурами внутри, постепенно создало единое централизованное государство, а тем самым и единую нацию с

единым языком, единой властью, единым рынком", - пишет профессор Э.А.Поздняков [4]. В этом же русле следуют и рассуждения В.Б.Пастухова, по мнению которого понятия государство и нация соотносятся друг с другом как форма и содержание: один социальный субъект - государство-нация или нация-государство [5]. А для известного этнолога, члена-корреспондента РАН В.А.Тишкова, то обстоятельство, что государства создают нации, а не наоборот, и «создают и этничность, т.е. этнические общности, из имеющегося в доступности культурного и социального материала» стало уже академическим трюизмом...» [6].

Однако, как показала история, на территории России, народы сформировались и развивались не благодаря помощи, а во многом вопреки явному или скрытому сопротивлению государства (в лице его центральной власти). Схожие тенденции имели место в свое время на Британских островах и в Китае. Связано это с тем важным обстоятельством, как особо это подчеркивает Г.Де Руджеро, «что принуждение порождает лишь протест и заставляет национальное чувство утверждать себя вопреки угнетателю. Никакая насильственная аннексия иностранной территории не может подчинить и вобрать в себя дух обитателей этой территории...» [7].

Отечественные сторонники концепции “государство-нация”, обосновывая свои взгляды, в качестве примеров часто приводят историю развития западноевропейских народов, в первую очередь, Франции и Великобритании. “Англичане, - пишет, например, В.А.Тишков, - вполне удовлетворены своим “национальным” государством - британским (а не английским), в то время как русские могут ставить вопрос о несостоявшемся “национальном” даже в рамках Российской Федерации, хотя принципиально оба государства ничем не отличаются...” [8]. Профессор Э.Поздняков, придерживаясь схожей позиции, в своей книге “Нация. Национализм. Национальные интересы” в определении сущности нации предлагает “взять” Францию [4]. Однако, на северо-востоке Франции веками живут бретонцы, упорствующие в отстаивании своей идентичности, на юго-западе баски,

также не желающие становится ни французами, ни испанцами. А как быть с многовековым сепаратизмом шотландцев, ирландцев в Великобритании?

Если следовать логике В.А.Тишкова, то получается, что болгары, сербы, албанцы и другие балканские народы вначале были турками-османами, поскольку находились в составе Османской империи, потом стали австро-венграми и в середине прошлого столетия пятьдесят лет были югославами. В соответствии с рассуждениями сторонников теории с условным наименованием “государства-нации” указанные балканские народности стали нациями лишь в конце прошлого столетия, поскольку каждая из них только конце прошлого века получила свое государство. Исходя из этой идеи также имеют право именоваться нациями монголы, северные корейцы и южные корейцы, по отдельности, а современные татары с многовековой историей, в том числе историей государственности, не имеют этого права. В XI в. (Булгарское царство) или в XV в. (Казанское ханство) татары (булгары) были нацией, а потом превратились в народность. Точно так же в течение многих веков вплоть до середины прошлого столетия евреев можно было называть этносом, но никак не нацией. Поскольку у них не было государства. Историческая практика, таким образом, дает повод усомниться в основательности концепции «нация-государство». Более того, мы видим примеры произвольного смешения, а точнее подмены термина «нация» (в территориально-политическом его значении) термином «этнос». А ведь гражданский (или государственный) и этнический (культурный) тип общности, как отмечают исследователи, в действительности перекликаются между собой и не всегда взаимоисключают друг друга, зачастую лишь прослеживая логику их же собственного развития [9]. Для иллюстрации указанного тезиса приведем в пример - боснийцев. Объективной основой выделения в отдельную этническую общность боснийцев-мусульман (самоназвание – «муслимане», «башняк») были некоторые особенности традиций, менталитета, представлений во многом основанных на исламской культуре, а так же особенности этногенеза. В этногенезе этого народа

принимали участие переселившиеся на Балканы турки, арабы, курды и представители других народов исповедующих ислам и в последствии ассимилированных местным древнеславянским населением. В последующий период истории боснийцев, его национальными лидерами предпринимались ряд мер, направленных на более четкое их разграничение от близкородственных (в первую очередь по языку) сербов и хорватов. После распада Югославии, в независимой Боснии и Герцеговине явственно усилились две знаковые тенденции: по введению новых заимствований из арабского и турецких языков; а также по расширению роли религиозных институтов и традиций. Названное демонстрирует уже наличие и применение на практике конструктивистско-инструменталистских методов, концепций. Поскольку, согласно этим концепциям происхождение и существования этничности, этническое выделение есть, прежде всего, интеллектуальный конструкт (создаваемый учеными, идеологами, писателями, политиками и т.д.), как средства для достижения групповых (политических) целей.

Конструктивистско-инструменталистские и примордиалистские концепции этничности в целом не носят строгого взаимоисключающего характера и поэтому мы, приходим к выводу, что наиболее целесообразным способом исследования проблемы этничности является, интеграция их наиболее важных аспектов.

Литература

1. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – С.217.
2. Deutsch K. Nation-Building and National Development: Some Issues for Political / Research, Deutsch K., Folts W. (eds), Nation-Building, New York : Atherton Press, 1963. – P.1-16.
3. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство. // Мир России - Евразия. Антология. Сост. Л.И.Новикова, И.Н.Сиземская.- М., 1995. -С.185.

4. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы.- М., 1994. - С.22, С.21.
5. Пастухов В.Б. Национальный и государственный интерес России: игра слов или игра в слова? // Полис.- 2000. - №1. -С.92.
6. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России.- М., 1997. – С.71.
7. Г. Де Руджеро. Что такое либерализм /О Свободе. Антология мировой либеральной мысли. (I половина XX века). - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - С.220-295. - С.268.
8. Тишков В.А. О нации и национализме // Свободная мысль. - 1996. - №3.-С.36.
9. Абдулатипов Р.Г. Национальный вопрос и государственное устройство России. - М.: Славянский диалог, 2000. - С.64.

Богданова Д.В.,
г. Челябинск

«УЛИЧНАЯ» МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПРОТЕСТНЫЕ НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Уличные беспорядки после выборов – тренд современности, быстро превращающийся в традицию, в мире, на постсоветском пространстве, а также непосредственно в России. На современном этапе развития общества, находящегося в информационной стадии, можно сказать, что с развитием технических средств передачи информации возможностей становится больше, но, вместе с тем, растёт и число политических протестов.

Протестная активность индивидов, групп, институтов начала изучаться именно в рамках политической науки. При этом внимание акцентировалось на различиях в уровнях активности действий, предпринимаемых